

Для цитирования: Мальцев Ал. А., Ковалев А. В. Теоретико-методологические взгляды экономистов России и Беларуси: эффект колеи? // Журнал экономической теории. — 2020. — Т. 17. — № 3. — С. 560-573

<https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.4>

УДК: 330.88, 330.858.

JEL: В 10, В 19

Ал. А. Мальцев <sup>а, б)</sup>, А. В. Ковалев <sup>в)</sup>

<sup>а)</sup> Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: almalzev@mail.ru)

<sup>б)</sup> Университет Пикардии им. Жюль Верна (Амьен, Франция)

<sup>в)</sup> Белорусский национальный технический университет (Минск, Республика Беларусь)

## ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЭКОНОМИСТОВ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ЭФФЕКТ КОЛЕИ? <sup>1</sup>

*В данной статье приводятся итоги сравнительного социологического анализа теоретико-методологических представлений российского и белорусского сообществ академических экономистов. Результаты исследования показали высокий уровень единства респондентов из обоих государств по широкому кругу экономико-теоретических вопросов. В частности, значительная часть экономистов России и Беларуси не относит себя к мейнстриму, полагают, что современная экономическая наука находится в кризисном состоянии, и считают целесообразным разработку различных «национальных» экономических концепций. Подобное единство воззрений авторы статьи связывают, главным образом, с до конца неизжитыми последствиями изоляции советской экономической науки от глобального дискурса. В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности организации экономических исследований в СССР, обусловившие своеобразие восприятия многими современными российскими и белорусскими экономистами современного состояния экономических наук. Авторы приходят к выводу о том, что советская эпоха наложила на экономическую науку России и Беларуси настолько глубокий отпечаток, что многие ее традиции воспроизводятся и в наши дни.*

**Ключевые слова:** российское сообщество экономистов, белорусское сообщество экономистов, социология экономической науки, современная экономическая наука

В последние годы в литературе активно обсуждается проблема отставания российской экономической науки от мировой. Данный тезис обычно базируется на результатах изучения отношения российских экономистов к теоретическим и методологическим тенденциям, характерным для современного этапа развития экономической науки. Итоги данных опросов показывают, что большая часть российских экономистов имеет достаточно поверхностное представление о том, чем занимаются их зарубежные коллеги. Различные библиометрические исследования фиксируют слабое присутствие российских ученых в области экономических наук в авторитетной международной научной периодике. Это небезосновательно считается важным индикатором слабости отечественной экономической науки и свидетельствует о сложностях с адаптацией российских экономистов к современным стандартам занятия экономическими исследованиями. Другой тревожный сигнал состоит в том, что с момента падения железного занавеса, объективно затруднявшего доступ отечественных специалистов в области

общественных наук к современным аналитическим и концептуальным разработкам, минуло без малого тридцать лет, но значительная часть российского академического сообщества экономистов (РАСЭ), как показали наши исследования, по-прежнему видит современное экономическое знание в кривом зеркале различных стереотипов.

В чем же причина столь специфического состояния дел в российской экономической науке? Анализ литературы позволяет выделить три наиболее часто встречающихся объяснения данной ситуации: а) слабость математической подготовки представителей РАСЭ, не дающая им излагать свои идеи в понятной для зарубежных коллег форме; б) недостаточный уровень знания английского языка, затрудняющий рецепцию членами РАСЭ актуальных зарубежных концепций; в) скудное финансирование российской научно-образовательной сферы, не позволяющее российским экономистам регулярно участвовать в зарубежных научных мероприятиях, приобретать современную литературу, подписываться на международные базы данных и в целом делающее академическую карьеру в РФ непривлекательной для молодых исследователей.

<sup>1</sup> © Мальцев Ал. А., Ковалев А. В. Текст. 2020.

Центральная гипотеза настоящей статьи заключается в том, что основным источником неудовлетворительного состояния дел в РАСЭ остаются до сих пор неизжитые последствия изоляции российской экономической науки от глобального экономического дискурса в советские годы. С нашей точки зрения, за минувшие с момента распада СССР десятилетия большая часть РАСЭ так и не смогла адаптироваться к современным стандартам занятия экономическими исследованиями. Более того, советская «колея» оказалась настолько прочной, что многие ее традиции воспроизводятся и по сей день.

Безусловно, связывая истоки текущих вызовов, с которыми столкнулось РАСЭ, с советским прошлым, мы не претендуем на оригинальность. Близкие идеи неоднократно высказывали многие авторитетные российские и зарубежные специалисты. Новизну нашему исследованию придает проверка этого тезиса в ходе сравнительного анализа теоретико-методологических предпочтений членов РАСЭ и белорусского академического сообщества экономистов (БАСЭ). Если исходить из предположения о неважности / малозначимости фактора советской «колеи», то можно предположить, что за 29 лет, прошедших со времени обретения бывшими союзными республиками самостоятельности, в них уже сформировались локальные сообщества исследователей в области экономики, отличающиеся друг от друга по своим концептуальным пристрастиям и выработавшим свой особый исследовательский «почерк». При этом эти различия, как представляется, должны быть достаточно заметны при анализе как научных работ, выходящих из-под пера постсоветских экономистов, так и их взглядов на особенности современного этапа и перспективы развития экономических дисциплин, выявляемых в ходе различных опросов.

В настоящей статье мы сосредоточимся на сопоставлении воззрений российских и белорусских экономистов на специфику занятия экономическими исследованиями и состояния экономических дисциплин, оставив изучение специфики их публикаций для последующих исследований. Данная статья опирается на результаты социологических опросов РАСЭ и БАСЭ, проведенных авторами в 2016 г. (Мальцев, 2016; Мальцев, Баженов, 2016) и 2017–2018 гг. (Ковалев, 2019а, 2019б), соответственно. Следует заметить, что несмотря на известный скепсис некоторых представителей мейнстрима относительно результатов

различных опросов, в последние годы итоги социологической диагностики состояния экономической науки все чаще стали появляться на страницах ведущих международных изданий. Растущей популярностью пользуются исследования сообществ экономистов разных стран мира посредством социологических методов (Whaples, 2006; Wasmer, Mayer, 2009; De Benedictis, Di Maio, 2016; Frey et al., 2010). Важнейшими индикаторами, по которым мы будем оценивать общность воззрений российских и белорусских экономистов, а также их близость / удаленность от мировой экономической науки, станут: а) доля представителей РАСЭ и БАСЭ, самоидентифицирующих себя с мейнстримом; б) восприятие респондентами значимости процессов интернационализации научной деятельности; в) оценка значимости участниками опросов тех или иных экономистов прошлого и настоящего; г) отношение членов РАСЭ и БАСЭ к созданию «национальной» экономической науки; д) использование респондентами математики в исследовательских целях и уровень владения английским языком.

Статья состоит из трех основных частей. В первой будут кратко охарактеризованы выборка и основные методы, использованные нами при проведении исследования. Во второй — представлены основные результаты исследования теоретико-методологического ландшафта РАСЭ и БАСЭ. В третьей — предложены наши объяснения причин современного состояния российского и белорусского сообществ экономистов.

### 1. Анкета, выборка, процесс опроса

Анкетирование российских экономистов прошло в апреле — июле 2016 года, для анализа была собрана 331 анкета. Участники — экономисты научно-образовательных учреждений — представляли широкий спектр университетов и академических институтов с большой географией охвата. Наибольшее количество анкет было получено от сотрудников экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (51 анкета, или 15,5 %), всего от вузов — 86 %, от исследовательских институтов РАН — 13 %. Процесс опроса включал как очный формат заполнения анкет (в том числе на научных конференциях), так и дистанционный (через электронную почту). Уровень отклика респондентов был достаточно высок.

В Беларуси опрос проходил в 2017/18 учебном году; общее количество собранных анкет составило 220, что приблизительно со-

ответствует выборке в 10 % от общего числа экономистов. В анкетирование были вовлечены преподаватели вузов (около 75 % анкет), сотрудники Института экономики Национальной Академии наук и независимых исследовательских центров (20 %) и сотрудники исследовательско-аналитических управлений органов государственного управления — Национального банка и Министерства экономики (5 %). Распространение анкет проходило по электронной почте и через заведующих кафедрами экономического профиля, которые могли наилучшим образом отобрать релевантных респондентов на кафедрах, по которым закреплены не только дисциплины теоретического характера, но и многие иные дисциплины управленческого и прикладного профиля. Анкетирование охватило все регионы страны, в нем приняли участие коллеги из 13 вузов, наибольшее количество анкет получено из Белорусского национального технического университета (23, или 10,5 %) и Белорусского государственного университета (19).

Анкеты в России и Беларуси включали соответственно 38 и 40 закрытых и открытых вопросов, посвященных отношению респондентов к различным вопросам теоретико-методологического характера, к восприятию процессов интернационализации научной деятельности и организации научных исследований, а также вопросы оценки проблем, препятствующих развитию экономических исследований. И в России, и в Беларуси респонденты выказывали живую заинтересованность в участии в исследовании, что проявлялось в развернутых ответах на открытые вопросы, множественных комментариях «на полях», что позволило составить более полное представление об отношении представителей сообществ экономистов к проблемам развития науки и организации научной деятельности. Более подробно методика сбора данных и содержание анкет описаны в работе (Мальцев, 2016; Ковалев, 2019b).

«Паспортный» портрет участников опросов оказался сходным: в РАСЭ средний возраст 46,7 года с гендерным преобладанием женщин — в БАСЭ 50 лет с гендерной пропорцией 60:40 также в пользу женщин. В РАСЭ 31,5 % опрошенных имели ученую степень доктора наук, 54,4 % — кандидата наук; в БАСЭ докторскую степень имели 7 % респондентов, кандидатскую — 41 %. Некоторое расхождение вызвано как методикой сбора информации (в России часть анкет была получена от членов двух ученых советов академических учреждений), так

и в целом меньшей долей ученых-экономистов со степенью доктора наук в академическом сообществе Беларуси.

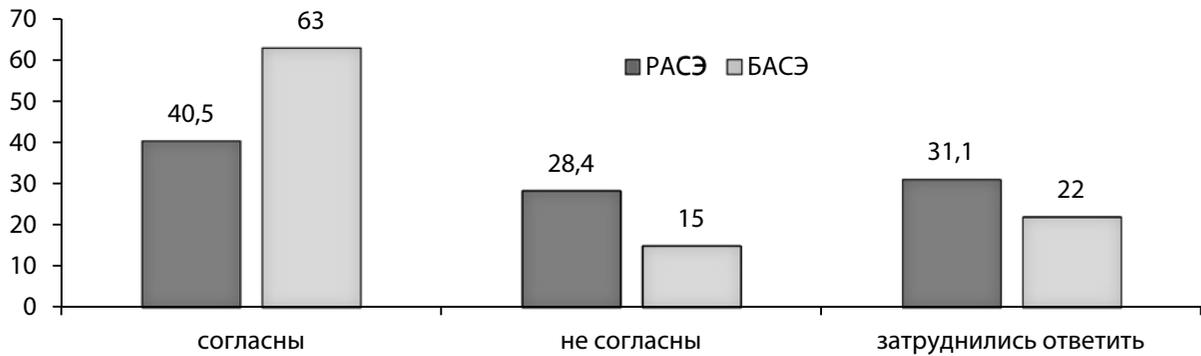
Следует отметить, что общее количество собранных анкет вполне коррелирует с другими аналогичными исследованиями — так, опрос в немецкоязычном мире включил 582 анкеты (Frey et al., 2010) во Франции — 305 (Wasmer, Mayer, 2009), Италии — 496 (De Benedictis, Di Maio, 2016). В целом собранная информация с высокой долей вероятности позволяет говорить о достоверности выводов по результатам обобщения и обработки данных.

## 2. Некоторые теоретико-методологические особенности исследований ученых РАСЭ и БАСЭ

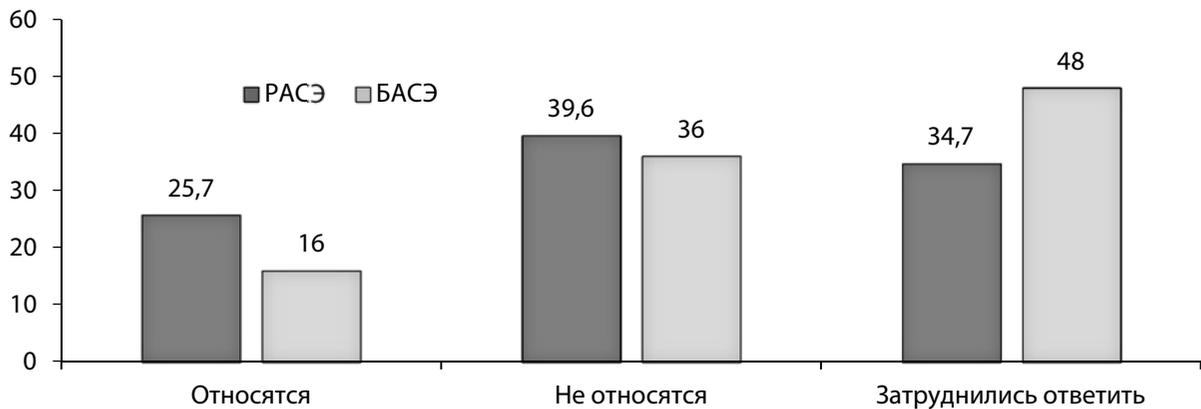
Пожалуй, одной из наиболее любопытных особенностей теоретико-методологических представлений членов РАСЭ и БАСЭ является то, что экономисты обоих сообществ постулируют кризис современной экономической науки и не относят себя к ее мейнстриму. При этом доля «еретиков» в БАСЭ даже выше, чем в РАСЭ: в России скептически настроены относительно состояния современного научного знания 40,5 %, в то время как в Беларуси — 63 % при отрицающих кризисное состояние 28,4 % и 15 %, соответственно и 31,1 % и 22 % затруднившихся ответить (рис. 1).

По отношению к мейнстриму (рис. 2) в БАСЭ гораздо выше доля неопределившихся — 48 % против 34,7 % в РАСЭ при том, что позиционируют себя вне основного течения мысли 36 % респондентов (в РАСЭ 39,6 %), а разделяют его идеи всего 16 % (в РАСЭ 25,7 %).

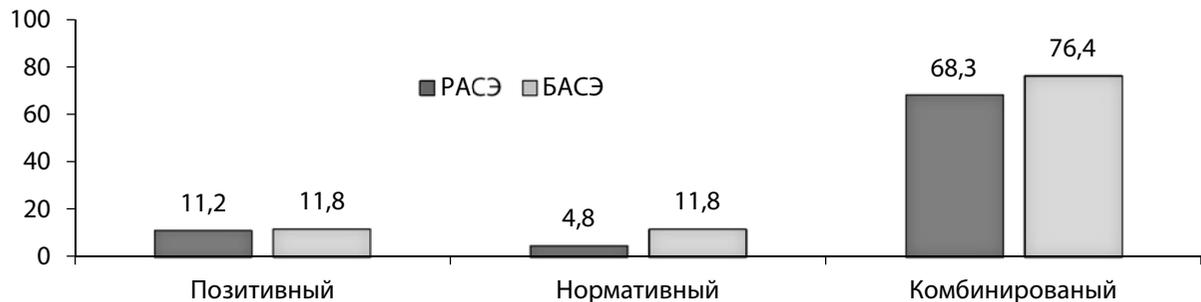
Интересно, что число сторонников мейнстрима в России выше в нестоличных научно-образовательных учреждениях, а в Беларуси за пределами Минска возрастает до 67 % доля затруднившихся ответить. Правдоподобной версией объяснения подобного феномена выступает низкая представленность теоретико-методологических аспектов в научном дискурсе Беларуси и, как следствие, недостаточное знакомство коллег, концентрирующихся на «практической» исследовательской проблематике, с вопросами методологического ядра. Подтверждением выступает и определенная несогласованность в ответах на уточняющий вопрос о разделении тех или иных методологических предпосылок теории (Ковалев, 2019b, С. 5–6). Это объяснение, как представляется, вполне можно распространить и на РАСЭ, чьи представители также достаточно «прохладно» относятся к теоретико-методологическим вопросам (Мальцев, 2018).



**Рис. 1.** Отношение представителей РАСЭ и БАСЭ к точке зрения о наличии так называемого кризиса экономической науки, % респондентов



**Рис. 2.** Оценка представителями РАСЭ и БАСЭ своей принадлежности к мейнстриму экономической науки, %



**Рис. 3.** Оценка оптимального типа экономической науки, %

Ориентацию на прикладное значение исследований подтверждает и распределение ответов на вопрос о предпочтительном типе экономической науки (рис. 3). В РАСЭ 11,2 % респондентов выступили сторонниками чистого позитивного типа науки, 4,8 % — чистого нормативного с разработкой практических рекомендаций по вопросам экономической политики и 68,3 % выступили за комбинаторный вариант. В анкете для представителей БАСЭ была предложена несколько иная вариация ответов на вопрос о том, какой должна быть экономическая наука:

а) теоретико-дедуктивной с выявлением существенных черт реальности видят науку 11,8 %;

б) практикоориентированной с выработкой конкретных рекомендаций по вопросам экономической политики — также 11,8 %;

в) эмпирической (сбор и анализ данных для поиска взаимосвязей) — 0.

Все остальные респонденты выбрали комбинацию разных вариантов, причем наибольший процент набрал вариант сочетания «а» и «б» — 34,5 %.

В целом подход, нацеленный на преодоление позитивно-нормативной дихотомии, вписывается в тенденцию развития мировой экономической науки. Дело в том, что многие годы экономистов критиковали за тягу к оторванному от хозяйственных реалий теоретизированию. Критики часто утверждали, будто

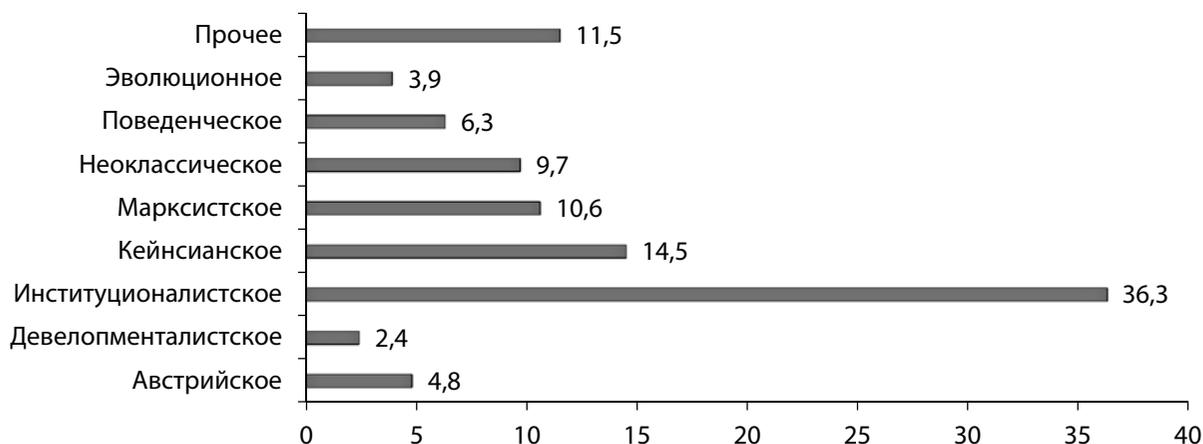


Рис. 4. Распределение членов РАСЭ по симпатиям к течениям экономической мысли, %

бы большинство экономистов занимаются математической эзотерикой и превратились в надменных обитателей башни из слоновой кости, презрительно поглядывающих оттуда на специалистов, изучающих процессы, происходящие в социально-экономической реальности. Безусловно, нельзя утверждать, что данные обвинения полностью беспочвенны. Однако в последнее время появляется все больше оснований для того, чтобы говорить о начале так называемого «эмпирического поворота» в экономической теории, благодаря которому «экономисты все чаще обращаются к данным из реального мира с целью дополнения и проверки теоретических моделей»<sup>1</sup>.

Новейшие исследования подтверждают этот вывод. Так, например, проведенный Дж. Ангристом с соавторами анализ 134 892 статей по экономике, опубликованных в 80 научных журналах в 1980–2015 гг., показал, что к середине 2010-х гг. доля эмпирических работ превысила 60 % (Angrist et al., 2017). Таким образом, можно говорить, что в своем желании дополнять теоретические изыскания исследованием «реальной» экономики российские и белорусские экономисты, по крайней мере, не выбиваются из мирового тренда.

Гораздо более любопытной видится другая теоретико-методологическая особенность, свойственная представителям РАСЭ и БАСЭ. Если на Западе уже к концу 1970-х гг. популярное деление экономистов на кейнсианцев и некейнсианцев утратило актуальность (Де Фрей, 2019. С. 502), а к концу XX столетия многие специалисты заговорили о стирании большинства различий даже между такими заклятыми

друзьями, как пресноводные и солоноводные экономисты (Duarte, 2012), то российские и белорусские респонденты стремятся к самоидентификации с какой-то конкретной школой экономической мысли. При этом РАСЭ и БАСЭ оказались весьма схожими в своих симпатиях к определенным традициям экономического теоретизирования. В обоих сообществах лидирующим направлением оказался институционализм (рис. 4, 5). Представляется, что выдвижение на ведущие роли институционализма произошло по целому ряду причин. Во-первых, подход не противоречил унаследованному из марксизма примату причинно-следственного анализа над функциональным. Во-вторых, «расширение» трактовки институционализма (с включением в ранние институционалисты Маркса) дало возможность оставаться в привычной исследовательской парадигме марксистам, не желающим отождествлять себя с непопулярным прошлым в первой половине 1990-х гг. В-третьих, наличие двух одновременных отрезков развития институционализма («старый» и новая институциональная теория) сделало возможным вовлечение в орбиту школы ученых с разным отношением к формализации анализа. Наконец, институционализм выгодно смотрелся на фоне «абстрактных» школ ввиду очевидной наивности отрицать необходимость учета при экономическом анализе институциональных факторов.

Что касается дальнейшего распределения ответов, то в российском опросе вслед за институционализмом (36,3 %) следуют кейнсианство (14,5 %), марксизм (10,6 %) и неоклассика (9,7 %). В Беларуси формулировка данного вопроса анкеты отличалась двумя аспектами: во-первых, позволялось выбрать до 3 вариантов ответа, чем воспользовалась большая часть респондентов. Жесткими приверженцами од-

<sup>1</sup> An empirical turn in economics research, available at: [Electronic resource]. URL: <https://www.aeaweb.org/research/charts/an-empirical-turn-in-economics-research>.

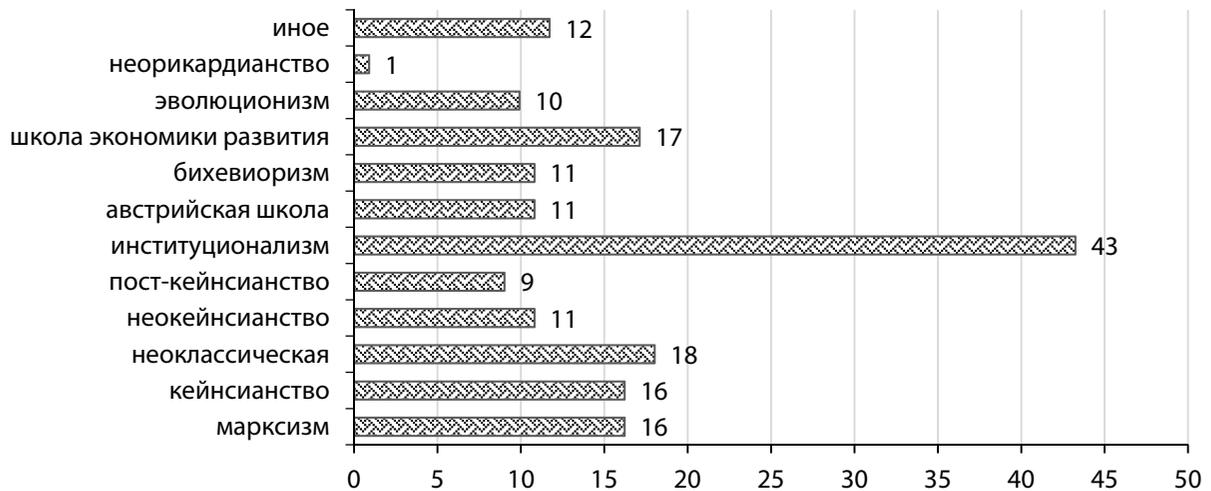


Рис. 5. Распределение членов БАСЭ по течениям экономической мысли, % (сумма процентов — 175)

ной школы позиционировали себя 37 % участников опроса, средняя же цифра выбранных школ составила 1,75 (потому сумма процентов в диаграмме составляет 175). Такая расплывчатость выбора свидетельствует о диффузности теоретико-методологического поля БАСЭ. Вторым отличием вопроса было разделение кейнсианства на «чистое», некейнсианство и посткейнсианство. Суммирование выбравших кейнсианскую парадигму позволило бы данному направлению занять второе место за институционализмом, как и в случае РАСЭ.

На белорусском материале была осуществлена проверка другой любопытной особенности, выявленной в ходе изучения РАСЭ, когда невзирая на подавляющую популярность идей институционализма при ответе на вопрос о ведущих экономистах прошлого в топ-10 попал только один институционалист (Т. Веблен, 9-е место, 28 упоминаний), а четверку лидеров составили Дж. Кейнс (179 упоминаний), К. Маркс (123), А. Смит (93) и Й. Шумпетер (73). Не оказались институционалистами и среди наиболее значимых современных зарубежных экономистов, где первую тройку составили Дж. Стиглиц, М. Фридмен и П. Кругман, и только за ними оказались Д. Норт, Р. Коуз и на некотором отдалении О. Уильямсон.

В анкете БАСЭ вопрос был сформулирован еще более приближенно к выбору предпочтения относительно школы: «Труды кого из экономистов оказали наибольшее воздействие на формирование Вашего экономического мировоззрения?». Результат оказался аналогичным российскому — лидируют К. Маркс (67 упоминаний), Дж. Кейнс (56), Й. Шумпетер (27) и А. Смит (24), а единственный институционалист в топ-10 Д. Норт занимает 10-е место с 8 упоминаниями.

Интересно, что Маркс и Кейнс, сменяясь на первом месте, оказались лидерами формирования взглядов экономистов всех школ мысли БАСЭ, кроме австрийской, приверженцы которой последовательно назвали именно представителей своей школы (табл. 1).

Схожим оказался и выбор представителями РАСЭ и БАСЭ ведущих зарубежных и российских экономистов (табл. 2).

Как видим, опросы позволили установить, что представители РАСЭ и БАСЭ не только симпатизируют одним и тем же течениям экономической мысли, но и сходятся в оценках значимости ведущих экономистов прошлого и современности. Подобная ситуация свидетельствует о том, что оба сообщества в значительной степени находятся в рамках одного научного дискурса, что, вероятно, обусловлено как контактами на уровне Союзного государства, так и языковой ситуацией в Беларуси, когда экономисты БАСЭ ориентируются на русскоязычное научное пространство в отсутствие переводов зарубежных монографий и статей на белорусский язык. Впрочем, такое «единодушие» в теоретико-методологических вопросах отличает отнюдь не только российских и белорусских экономистов. Скажем, как показали недавние исследования, современные экономисты из Австрии, Германии и Швейцарии, казалось бы, являющиеся продолжателями столь разных экономико-теоретических традиций, демонстрируют удивительное единство по широкому спектру концептуальных проблем (Grimm et al., 2018). Вероятно, как и в случае с РАСЭ и БАСЭ, одним из главных факторов, вызвавших сближение теоретико-методологических предпочтений германских экономистов, стало изменение политического ландшафта мирового хозяйства в XX столетии. Если

Таблица 1

**Ведущие экономисты по воздействию на формирование мировоззрения членов БАСЭ по школам мысли**

Кейнсианство	Марксизм	Институционализм	Австрийская школа	Неоклассическая школа
1. Дж. Кейнс (14)	1. К. Маркс (18)	1. Дж. Кейнс (28)	1. Л. Мизес (10)	1. К. Маркс (15)
2. К. Маркс (11)	2. Дж. Кейнс (9)	2. К. Маркс (27)	2. Ф. Хайек (9)	2. Дж. Кейнс (8)
3. М. Фридман (5)	3. А. Смит / Г. Беккер (7)	3. А. Смит / Й. Шумпетер (9)	3. К. Менгер (4)	3. Дж. Гэлбрэйт (5)

Примечание. В скобках указано количество упоминаний фамилии ученого.

Таблица 2

**Ведущие зарубежные и российские экономисты по опросам РАСЭ и БАСЭ**

Зарубежные экономисты		Российские экономисты	
РАСЭ (331 анкета)	БАСЭ (220 анкет)	РАСЭ (331 анкета)	БАСЭ (220 анкет)
Дж. Стиглиц (64)	Дж. Стиглиц (43)	С. Глазьев (81)	С. Глазьев (54)
М. Фридмен (52)	П. Кругман (38)	В. Полтерович (47)	С. Гуриев (19)
П. Кругман (51)	М. Портер (20)	А. Аузан (40)	М. Делягин / В. Иноземцев (18)
Д. Норт (48)	М. Фридмен (15)	А. Кудрин (27)	В. Полтерович / Р. Гринберг (15)
Р. Коуз (39)	Р. Шиллер (14)	С. Гуриев (23)	В. Мау / Л. Абалкин (11)
П. Самуэльсон (31)	Д. Норт (12)	А. Бузгалин (22)	С. Кирдина (10)
Дж. К. Гэлбрэйт (26)	Г. Мэнкью (11)	Е. Ясин (19)	А. Бузгалин (9)
М. Портер (22)	Р. Талер (10)	А. Аганбегян / М. Делягин, В. Иноземцев / В. Мау (18)	Е. Ясин (8)
О. Уильямсон (21)	Т. Пикетти (9)	Л. Абалкин (16)	Р. Нуреев / А. Кудрин (7)
Р. Лукас (18)	Д. Канеман (8)	В. Автономов (15)	Ю. Осипов (6)

Примечание. В скобках указано количество упоминаний фамилии ученого.

в странах бывшего СССР таким «уравнителем» в 1930–1980-е гг. стала сакрализация марксизма в виде своеобразной светской религии, сделавшей занятие экономическими исследованиями в русле других экономико-теоретических течений опасной ересью (Мальцев, Сухих, 2019), то в немецкоязычных странах (прежде всего, ФРГ и Австрии) экономическая наука стала жертвой подъема нацизма и холодной войны. Как считается в современной литературе, после эмиграции плеяды блестящих экономистов, вынужденных покинуть Германию и Австрию в 1930-е гг., и установления американского доминирования в послевоенной Западной Европе, «немецкая экономическая наука полностью капитулировала перед гегемонией американского economics» (Heise, 2019. P. 90).

Более подробно речь о влиянии экстернатальных факторов на развитие экономической науки применительно к РАСЭ и БАСЭ пойдет в следующем разделе статьи, а пока следует сосредоточить внимание на другой, редко встречающейся в других национальных сообществах экономистов особенности российских и белорусских экономистов — их желания создать

экономическую теорию с «национальной спецификой». Совершенно удивительным образом совпала цифра респондентов, однозначно отрицающих необходимость построения подобной теории — в РАСЭ таких оказалось 46,8 %, в БАСЭ — 47 %. При этом в Беларуси больше половины поддерживают создание такой теории (19 % — безусловно, 34 % — частично), в России же ратующих за создание национальной экономической теории 38,1 % при 15,1 % затруднившихся ответить. Положительный ответ на данный вопрос в обоих случаях не зависел ни от возраста анкетированных, ни от местоположения их академической институции.

Подобная особенность вряд ли может быть объяснена всеобщим увлечением трудами немецкой исторической школы. Тяготение к мнению о невозможности решить национальные экономические проблемы на основе чужого аналитического инструментария указывает как на негативное восприятие универсалистских концепций мейнстрима, игнорирующих специфику развития отдельных стран, так и на укоренившуюся среди части экономистов убежденность в «уникальности российской цивилизации» либо в «уникальности белорус-

ской социально-экономической модели». Еще одним объясняющим фактором выступает некоторая путаница между «необходимостью учета присущих различным странам культурных и иных особенностей» и «построением особенной теории». Учет особенностей вполне может соответствовать единой теоретической конструкции.

Высокая доля стремящихся к созданию отдельной национальной теории сочетается с поддержкой необходимости интернационализации отечественных сообществ экономистов. Подтверждением данного тезиса является оценка публикации в международном журнале значимым фактором успешности исследователя, с чем согласны 65,0 % респондентов РАСЭ и 59 % БАСЭ. Кроме того, на прямой вопрос о том, поддерживают ли они тенденцию встраивания отечественной науки в мировое научно-образовательное пространство, положительно ответили 78 % анкетированных в БАСЭ и 74,9 % в РАСЭ.

Данные опросов в обеих странах не подтвердили гипотезу о том, что недостаточная вовлеченность в мировое научное сообщество обусловлена неспособностью предложить качественный научный продукт из-за слабой языковой или математической подготовки. Практически 2/3 участников опроса в РАСЭ и 45 % в БАСЭ оценили свой уровень владения английским языком как достаточный для чтения научной литературы. С использованием же математики экономисты обеих стран вполне вписываются в мировые тренды: только 5,8 % в РАСЭ и 4 % в БАСЭ считают обязательным применение математического аппарата в исследованиях, а 74,6 % и 85 % с той или иной степенью частоты используют эконометрический аппарат в собственных исследованиях.

Причинами же низкой интернационализации академических сообществ экономистов респонденты считают такие факторы, как:

- недостаточный уровень финансирования различных аспектов научной деятельности — от сбора эмпирического материала, приобретения литературы и программного обеспечения до участия в международных конференциях;

- загруженность иными видами работы (учебной, административной). В РАСЭ 69,5 % респондентов указали на необходимость трудиться в нескольких местах, а в БАСЭ оценили, что их рабочий день позволяет заниматься исследованиями в полной мере, только 11 % и еще 31 % — в достаточной;

- наконец, непоследовательность реформ образования/науки, препятствующая эффективной организации процесса исследований.

### 3. Своеобразие постсоветской экономической науки или *path dependence*

Выделив некоторые особенности теоретико-методологического ландшафта РАСЭ и БАСЭ, попробуем кратко обозначить свою позицию относительно возможных причин его своеобразия. Безусловно, и стремление российских и белорусских экономистов к созданию «национальных» экономических законов, и нежелание большинства респондентов заниматься «стерильной» теорией можно списать на давние культурологические особенности, якобы присущие православному типу мышления. Скажем, Й. Цвайнерт считает его главной отличительной чертой симбиоза холизма, в рамках которого фрагментированное западное общество противопоставляется целостному восточному, с антропоцентризмом, делающим упор на нормативной стороне изучения социальных вопросов (Цвайнерт, 2007). Если развить эту мысль, то получается, что именно из-за приверженности этим ценностям, не совпадающим с принципами, на которых строится современный мейнстрим, РАСЭ и БАСЭ занимают периферийное положение в мировой научной иерархии. Казалось бы, такого объяснения вполне достаточно для того, чтобы пролить свет на причины «особости» РАСЭ и БАСЭ. Однако, подобная интерпретация встречает, как минимум, два возражения. Во-первых, наверное, не совсем корректно считать всех жителей России и Беларуси частью православной культуры. Во-вторых, как тогда, например, объяснить, что греки, принадлежащие к той же православной цивилизации, во второй половине XX столетия, пусть не без труда, запустили процесс интернационализации занятия экономической наукой, в результате чего греческие экономисты стали частью глобального дискурса (Psalidopoulos, 2000) и к 2020 г. в рейтинге RePEc обогнали не только российских и белорусских, но и индийских коллег?<sup>1</sup>

Поэтому, не принижая значимости культурных факторов, мы, тем не менее, полагаем, что причины удивительной схожести теоретических взглядов российских и белорусских экономистов следует искать в чем-то другом, а именно в до сих пор сохраняющемся влиянии советизации обществоведческого дискурса на экономическую науку в РФ и Беларуси.

<sup>1</sup> См.: <https://ideas.repec.org/top/top.country.all.html>.

Здесь нужно сделать важную оговорку. Нередко в попытках объяснения отставания постсоветской экономической науки от мировой комментаторы возлагают вину на марксизм, так и не ставший нигде за пределами СССР и его спутников мейнстримом. Якобы работа в рамках этой маргинальной парадигмы отбросила советскую экономическую науку далеко назад и привела к депрофессионализации советских экономистов.

Но, на наш взгляд, проблема кроется не в самом марксизме. Признавая частные достижения советских политэкономов<sup>1</sup>, нам представляется весьма оправданной точка зрения крупного марксиста Э. Мандэля, еще в 1960-е гг. писавшего о том, что в СССР, начиная с 1930-х гг., марксизм, ранее выступавший «инструментом поиска объективной истины, опустился до оправдания задним числом политических и экономических решений властей СССР» (Mandel, 1968. P. 723). Именно в превращении марксизма из теории, подлежащей критике, в единственно верное и непогрешимое учение нам видится одна из главных причин, обусловивших целый ряд особенностей сначала советской, а затем и постсоветской экономической науки. Разумеется, подробное их рассмотрение выходит далеко за рамки настоящей статьи, поэтому рассмотрим лишь некоторые главные моменты.

Во-первых, несмотря на последовавшее за смертью И.В. Сталина некоторое ослабление идеологического гнета, облегчившее доступ к западным экономическим идеям, а также наличие в СССР одной из сильнейших математических школ, советские экономисты-математики так и не смогли встроиться в глобальную научную среду. Дело в том, что советским исследователям, блестяще владевшим математическим аппаратом и неплохо осведомленным о состоянии дел в мировой экономической науке, приходилось вписывать созданные ими наработки в прокрустово ложе марксистско-ленинских догм. Во избежание обвинений в идеологической неблагонадежности экономисты-математики были вынуждены прятать свои изыскания за фасадом изошренной математики. Из-за невозможности теоретизирования вне рамок доминирующей политико-экономической ортодоксии им пришлось делать упор на совершенствование своих технических навыков, результатом чего стало создание «очень абстрактного и технического стиля, который был гораздо ближе к математике, нежели

к экономической теории» (Boldyrev, Kirtchik, 2013. P. 17). Неудивительно, что в СССР даже ведущие представители экономико-математического направления вплоть до начала 1990-х гг. ощущали себя в большей степени математиками, чем экономистами. В этом контексте весьма точной выглядит характеристика состояния советской экономико-математической науки, данная И.А. Болдыревым и О.И. Кирчик: «какими бы хорошими математическими навыками ни обладал экономист-математик в СССР, он или она едва ли могли сделать значимое приращение в области экономики из-за недостаточного знания ее теоретических основ» (Boldyrev, Kirtchik, 2013. P. 19). Однако даже таких специалистов с недостаточной по мировым меркам теоретической подготовкой в СССР не хватало. По оценкам А.И. Каценелинбойгена, во второй половине 1980-х гг. удельный вес экономистов-математиков в структуре советского сообщества экономистов едва ли превышал 5 % (Katsenelinboigen, 1986. P. 91). Учитывая это обстоятельство, становятся понятными часто встречающиеся в литературе сетования по поводу отсутствия в постсоветских странах достаточного числа экономистов, способных хотя бы понять основной смысл научных статей, опубликованных в современных мейнстримных журналах. Наверное, далеко не случайно в списке наиболее авторитетных зарубежных экономистов по версии представителей РАСЭ и БАСЭ фигурируют, главным образом, авторы технически несложных вводных курсов по экономической теории (Мэнкью, Самуэльсон), ученые, известные своей яркой публицистикой (Кругман) и политической активностью (Фридмен, Стиглиц), а также авторы научно-популярных бестселлеров, не требующих какой-то специализированной подготовки (Норт, Пикетти).

Во-вторых, теоретизирование (разумеется, в рамках марксистско-ленинской доктрины) являлось прерогативой весьма ограниченного числа вузов и академических институтов (скажем, экономических факультетов МГУ и ЛГУ, Института экономики АН СССР, Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, Академии общественных наук при ЦК КПСС), уполномоченных заниматься контролем и воспроизводством общего дискурсивного пространства советской политэкономии<sup>2</sup>. Другим учреждениям (за редким исключением) позволялось лишь выполнять роль трансляторов толкований, ниспускаемых,

<sup>1</sup> См. подробнее: Ananyin, Melnik, 2019.

<sup>2</sup> См. подробнее: Мельник, 2014. С. 33–41.

используя удачный термин А.П. Заостровцева, столичными «марксистскими семинариями»<sup>1</sup>. Отсутствие должной теоретической подготовки во многом объясняет причины, по которым значительная часть советских экономистов занималась, как сказал бы Т. Купманс, «измерением без теории». Я. Фейгин поясняет эту особенность советской экономической науки словами В.С. Немчинова, взятыми из отчета, подготовленного академиком для Н.А. Вознесенского: «...советские экономисты... просто собирают данные без анализа» (Feugin, 2017. Р. 43). Справедливости ради следует заметить, что от большинства советских экономистов никакой анализ и тем более какое-то глубокое теоретическое осмысление хозяйственных явлений не требовались. Подавляющая часть советских экономических вузов готовила специалистов не для академической деятельности, а для работы в реальном секторе экономики. Как показал анализ М. Алексеева, К. Гэдди и Дж. Лайтцела в 1989 г., 90 % новоиспеченных обладателей дипломов о высшем экономическом образовании в СССР являлись так называемыми отраслевыми экономистами, чей функционал на Западе выполняли отнюдь не специалисты в области экономики, а бухгалтеры и консультанты по вопросам управления (Alexeev et al., 1992. Р. 139–140). По-видимому, в этом практикорентированном уклоне советского экономического образования отчасти кроется сохраняющаяся и по сей день антипатия представителей РАСЭ и БАСЭ к «чистой» теории, а также кажущееся на первый взгляд странным отсутствие в списке наиболее авторитетных экономистов ученых, избегающих публичной активности и не занимающихся комментированием острых политико-экономических вопросов.

В-третьих, одним из ярких проявлений изолированности экономической науки СССР от глобального научного дискурса являлись трудности с доступом советских экономистов к актуальной зарубежной периодике и монографиям. Даже те крупницы информации о состоянии западной экономической теории, которые доходили до советских читателей, нередко принимали форму потока ругательств в отношении буржуазных теорий. При этом авторы подобных инвектив зачастую не только не заботились о необходимости цитирования критикуемых экономистов, но и не утруждали

себя сколько-нибудь адекватным пересказом содержания их идей (Автономов, 2016). Следует отметить, что нехватка квалифицированных работ по западным теориям объяснялась не только идеологическими причинами, но и отсутствием достаточного числа специалистов, квалифицировано разбирающихся в западной экономической науке. Ее изучение в СССР являлось уделом малочисленной группы экспертов, как правило, занимавшихся критикой буржуазных экономических учений. Именно эти специалисты с началом перестройки стали первыми проводниками современного экономического знания и организаторами переводов западной научно-методической литературы (Макашева, 2006. С. 417). К сожалению, малочисленность данной когорты ученых не позволила донести до постсоветской аудитории истинную суть зарубежных экономических концепций. Кроме того, вдумчивому знакомству с богатейшей палитрой мировой экономической мысли мешало желание многих экономистов стран бывшего СССР как можно быстрее отринуть ставшую «не модной» политэкономия и скорее прикоснуться к «запретному плоду» — достижениям мировой экономической науки. Однако стремление в одночасье преодолеть последствия многих десятилетий изоляции вкупе с отсутствием у подавляющего большинства специалистов постсоветского пространства системных экономико-теоретических знаний привело не только к некритической рецепции западных концепций, превратившейся в своеобразный «карго-культ» (Состояние нашего знания..., 2019. С. 26), но и повлекло за собой создание весьма своеобразных учебных курсов, причудливым образом сочетающих советскую политическую экономию с элементами экономикс (Макашева, 2007. С. 416). В свою очередь, обескураживающие результаты экономических реформ 1990-х гг. стали причиной быстрого разочарования многих экономистов в зарубежных экономических концепциях, найдя отражение в поиске хозяйственной самобытности стран мира и доказательстве неприменимости к ним однотипной экономической политики. Эти небезосновательные соображения, опять-таки наложившись на весьма поверхностные представления о современном мейнстриме, дали импульс появлению в начале 2000-х гг. весьма специфических проектов по созданию «национальной» экономической теории и выведению «национальных» экономических законов (Zaostrovtssev, 2005). Как показал наш анализ РАСЭ и БАСЭ, тяга к «национализации» эко-

<sup>1</sup> Заостровцев А. П. А ты читал «Капитал»? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/2017/08/25/033/?feed%3Fmobile=false>.

номического знания (за которой, по нашему мнению, кроется неготовность значительной части экономистов из стран СНГ изучать мировую экономическую науку и работать по ее стандартам) никуда не исчезла и в 2010-е гг.

\*\*\*

Подводя итоги, еще раз подчеркнем главное. Даже спустя несколько десятилетий после краха СССР представили РАСЭ и БАСЭ в теоретико-методологическом плане являют собой фактически одно сообщество. Естественно, часть объяснения кроется в еще сохраняющемся русскоязычном научном пространстве, отсутствии в Беларуси авторитетных белорусскоязычных научных журналов, вынуждающего белорусских экономистов публиковаться в российской периодике со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде необходимости соответствовать правилам игры, принятым среди российских исследователей. Другая часть объяснения, на наш взгляд, заключается в общей непростой судьбе РАСЭ и БАСЭ. Оба эти сообщества в XX столетии столкнулись, как минимум, с двумя мощнейшими потрясениями, вызванными тектоническими политическими сдвигами — Октябрьским переворотом и распадом Советского Союза. После большевистской революции в СССР сложилась особая экономическая наука, неплохо отвечающая нуждам советской экономики и хорошо вписывающаяся в специфический идеологический ландшафт. Весьма маргинальная по мировым меркам она, тем не менее, обладала необходимыми атрибутами «нормальной» (в куновском смысле этого слова) науки: в ней наличество-

вал определенный консенсус по правилам и ритуалам ведения исследовательской и образовательной деятельности, существовали общепринятые методы оценки личных академических достижений и качества создаваемой научной продукции (Макашева, 2007. С. 409–410).

Однако после 1991 г. «нормализации» экономико-теоретического дискурса в России и Беларуси не произошло. На развалинах советской политэкономии в обоих государствах возникли весьма схожие шаткие здания, населенные плохо понимающими друг друга соседями. В самом деле, трудно ожидать плодотворного взаимодействия гордой горстки неопитов мейнстрима с адептами ренессанса политэкономии, а тех, в свою очередь, со сторонниками создания «национальной» экономической теории. Причины, по которым экономисты в России и Беларуси вот уже без малого тридцать лет не могут создать в своих странах хорошо организованные профессиональные сообщества, многоаспектны. Их обсуждение заслуживает самостоятельного исследования. Позволим себе в заключение лишь заметить, что одна из главных проблем кроется в так и не завершившемся в России и Беларуси процессе формирования новой постсоветской культуры занятия экономическими исследованиями. Хотелось бы верить, что представители РАСЭ и БАСЭ рано или поздно смогут завершить эту процедуру и, минуя Сциллу механической рецепции зарубежных традиций и Харибду местечковой замкнутости, интегрироваться в международное сообщество экономистов, сохраняя при этом свои собственные исследовательские стили.

### Благодарность

*Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ № МД-59.2019.6.*

### Список источников

- Автономов В. С. Экономическая теория в ИМЭМО: советский период // Вопросы экономики. — 2016. — № 11. — С. 117–134.
- Де Фрей М. История макроэкономики: от Кейнса к Лукасу и до современности. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
- Ковалёв А. В. Сообщество экономистов Беларуси: роль исследований в профессиональной деятельности // Банковский вестник. — 2019 а. — № 11. — С. 3–9.
- Ковалёв А. В. Сообщество экономистов Беларуси: теоретико-методологический портрет в социологическом свете // Банковский вестник. — 2019б. — № 8. — С. 3–14.
- Макашева Н. А. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х — начало 1990-х гг.): революция и рост научного знания // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / Кузьминов Я. И., Автономов В. С., Ананьин О. И. (Ред). — М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2006. — С. 400–428.
- Мальцев А. Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы // Вопросы экономики. — 2016. — № 11. — С. 135–158.
- Мальцев А. А. Гетеродоксальная экономическая теория: текущее состояние и пути дальнейшего развития // Экономическая политика. — 2018. — № 2. — С. 148–169.
- Мальцев А. А., Баженов Г. А. Теоретико-методологическая архитектура российского сообщества академических экономистов // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2016. — № 6. — С. 13–22.

- Мальцев А. А., Сухих В. В. Истоки отставания российской экономической науки: случай одного региона // Вопросы теоретической экономики. — 2019. — № 2. — С. 62–81.
- Мельник Д. В. Из истории институционализации экономической науки: «ленинградское дело». — М.: Институт экономики РАН, 2014.
- Состояние нашего знания о советской и постсоветской российской экономической науке: Стенограмма семинара. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019.
- Цвайнерт И. История экономической мысли в России. 1805–1905. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.
- Alexeev M., Gaddy C., Leitzel J. Economics in the Former Soviet Union // Journal of Economic Perspectives. — 1992. — Vol. 6. — No. 2. — P. 137–148.
- Ananyin O., Melnik D. “Commodity Sui Generis”: The Discourses of Soviet Political Economy of Socialism // History of Political Economy. — 2019. — Vol. 51. — No. 1. — P. 75–99.
- Angrist J., Azoulay P., Ellison G., Hill R., Feng Lu S. Economic Research Evolves: Fields and Styles // American Economic Review: Papers & Proceedings. — 2017 — Vol. 107. — No. 5. — P. 293–297.
- Boldyrev I., Kirtchik O. The Cultures of Mathematical Economics in the Postwar Soviet Union: More than a Method, Less than a Discipline // HSE Working Paper. — 2013. — No. WP6/2013/05.
- De Benedictis L., Di Maio M. Schools of Thought and Economists’ Opinions on Economic Policy // Eastern Economic Journal. — 2016. — Vol. 42. — Issue 3. — P. 464–482.
- Duarte P. G. Not Going Away? Microfoundations in the Making of a New Consensus in Macroeconomics / Edited by Duarte P. G., Lima G. T. Microfoundations Reconsidered: The Relationship of Micro and Macroeconomics in Historical Perspective. — Cheltenham, Northampton: Edward Elgar. — 2012. — P. 190–237.
- Feygin Y. Reforming the Cold War State: Economic Thought, Internationalization, And the Politics of Soviet Reform, 1955–1985 [Electronic resource]. URL: <https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4063&context=edissertations>.
- Frey B. S., Humbert S., Schneider F. What is Economics? Attitudes and Views of German Economists // Journal of Economic Methodology. — 2010. — Vol. 17. — Issue 3. — P. 317–332.
- Grimm C., Pühringer S., Kapeller J. Paradigms and Policies: The State of Economics in the German-speaking Countries // ICAE Working Paper Series. — 2018. — No. 77.
- Heise A. The Socioeconomics of Economics: Essays on the Construction of the Economics. Essays on the Construction of the Economic Discipline and its Critique. — Wien, Zurich: LIT Verlag, 2019.
- Katsenelinboigen A. J. Mathematical Economics in the Soviet Union — A Reflection on the 25th Anniversary of L.V. Kantorovich’s Book, The Best Use of Economic Resources // Acta Slavica Iaponica. — 1986. — No. 4. — P. 88–103.
- Mandell E. Marxist Economic Theory. — L.: The Merlin Press. — 1968. — Vol. 2.
- Psolidopoulos M. Institutional Constraints and the Internationalization of Economics: The Case of Greece / Coats A.W.B. (Eds.). The Development of Economics in Western Europe since 1945. — L., N.Y.: Routledge. — 2000. — P. 227–245.
- Wasmer E., Mayer T. Y-a-t-il du consensus entre économistes en France? [Is there a Consensus among French Economists?] // MPRA Paper. — 2009. — No. 18584.
- Whaples R. Do Economists Agree on Anything? Yes! // The Economists’ Voice. — 2006. — Vol. 3. — No. 9. — P. 1–6.
- Zaostrovsev A. The Principal Conflict in Contemporary Russian Economic Thought: Traditional Approaches Against Economics. HWWA Discussion Paper. — 2005. — No. 329.

### Информация об авторах

**Мальцев Александр Андреевич** — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация); докторант CRIISEA, Университет Пикардии им. Жюль Верна (Амьен, Франция; e-mail: [almalzev@mail.ru](mailto:almalzev@mail.ru)).

**Ковалёв Александр Васильевич** — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Белорусский национальный технический университет (Минск, Республика Беларусь; e-mail: [kavaliou.aliaksandr@gmail.com](mailto:kavaliou.aliaksandr@gmail.com)).

For citation: Maltsev, Al. A., & Kavaliou, A. V. (2020). Theoretical and Methodological Views of Russian and Belarusian Economists: Path Dependence? Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory], 17 (3), 560–573

**Maltsev Al. A.** <sup>a), b)</sup>, **Kavaliou A. V.** <sup>c)</sup>

<sup>a)</sup> Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: [almalzev@mail.ru](mailto:almalzev@mail.ru))

<sup>b)</sup> University of Picardie Jules Verne (Amiens, France)

<sup>c)</sup> Belarusian National Technical University (Minsk, the Republic of Belarus)

### Theoretical and Methodological Views of Russian and Belarusian Economists: Path Dependence?

*The article presents the results of a comparative sociological survey of Russian and Belarusian economists. Our research demonstrates significant similarities in their theoretical and methodological views: for example, while believing that modern economics is in crisis, many Russian and Belarusian economists seek to develop what they consider as unique ‘national’ economic concepts and to identify alternatives to mainstream economics. Such unanimity of views may be explained by the consequences of isolation of Soviet economics from global academic trends.*

This article discusses how economic research was organized in the USSR and how these organization patterns contributed to the specificity of theoretical and methodological views of modern Russian and Belarusian economists. The conclusion is made about the path dependence of the Russian and Belarusian academia as many of its Soviet traditions and patterns still persist today.

**Keywords:** Russian economics academic community, Belarusian economic academic community, sociology of economics, modern economics

### Acknowledgements

The article has been prepared within the grant from the President of the Russian Federation No. МД-59.2019.6.

### References

- Avtonomov, V. S. (2016). Ekonomicheskaya teoriya v IMEMO: sovet'skiy period [Economic theory in IMEMO (The Soviet period)]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy ekonomiki], 11, 117–134. (In Russ.)
- De Vroey, M. (2019). *Istoriya makroekonomiki: ot Keynosa k Lukasu i do sovremennosti* [A History of Macroeconomics from Keynes to Lucas and Beyond]. Moscow, Russia: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS. (In Russ.)
- Kavaliou, A. V. (2019a). Soobshchestvo ekonomistov Belarusi: rol' issledovaniy v professional'noy deyatelnosti [The Community of Belarusian Economists: Role of Researches in Professional Activity]. *Bankovskiy vestnik* [Bank Bulletin Journal], 11, 3–9. (In Russ.)
- Kavaliou, A. V. (2019b). Soobshchestvo ekonomistov Belarusi: teoretiko-metodologicheskiy portret v sotsiologicheskom svete [The Community of Belarusian Economists: Theoretical and Methodological Portrait in the Light of Sociology]. *Bankovskiy vestnik* [Bank Bulletin Journal], 8, 3–14. (In Russ.)
- Makasheva, N. A. (2006). Ekonomicheskaya nauka v Rossii v period transformatsii (konets 1980-kh — nachalo 1990-kh gg.): revolyutsiya i rost nauchnogo znaniya [Economic Science in Russia during the Period of Transformation (Late 1980s — Early 1990s): Revolution and the Growth of Scientific Knowledge]. In Kuz'minov Ya. I., Avtonomov V. S., Anan'in O. I. (Eds.). *Istoki: iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i protsessa* [“Origins”: Experience of Studying Economics as Structure and Process]. Moscow, Russia: Izd-vo GU VShE, 400–428. (In Russ.)
- Maltsev, A. (2016). Rossiyskoe soobshchestvo ekonomistov: osobennosti i perspektivy [Russian community of economists: features and perspectives]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy ekonomiki], 11, 135–158. (In Russ.)
- Maltsev, A. A. (2018). Geterodoksal'naya ekonomicheskaya teoriya: tekushchee sostoyanie i puti dal'neyshego razvitiya [Heterodox Economic Theory: Current Status and Ways of Further Development]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2, 148–169. (In Russ.)
- Maltsev, A. A., & Bazhenov, G. A. (2016). Teoretiko-metodologicheskaya arkhitektura rossiyskogo soobshchestva akademicheskikh ekonomistov [Theoretical and Methodological Architecture of the Russian Community of Academic Economists]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Journal of New Economy], 6 (68), 13–22. (In Russ.)
- Maltsev, A. A., & Sukhih, V. V. (2019). Istoki otstavaniya rossiyskoy ekonomicheskoy nauki: sluchay odnogo regiona [The Origins of the Russian Economics Backwardness: The Case of One Region]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Theoretical Economics], 2, 62–81. (In Russ.)
- Mel'nik, D. V. (2014). *Iz istorii institutsionalizatsii ekonomicheskoy nauki: «leningradskoe delo»* [From the History of the Institutionalization of Economic Science: “The Leningrad affair”]. Moscow, Russia: Institut ekonomiki RAN. (In Russ.)
- Sostoyanie nashego znaniya o sovetskoj i postsovetskoj rossiyskoj ekonomicheskoy nauke: Stenogramma seminara* [Transcript of the Seminar “The State of Our Knowledge of Soviet and Post-Soviet Russian Economics”]. (2019). Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskij universitet. (In Russ.)
- Zwainert, J. (2007). *Istoriya ekonomicheskoy mysli v Rossii. 1805–1905* [History of Economic Thought in Russia. 1805–1905]. Moscow, Russia: Izd. dom GU-VShE. (In Russ.)
- Alexeev, M., Gaddy, C., & Leitzel, J. (1992). Economics in the Former Soviet Union. *Journal of Economic Perspectives*, 6(2), 137–148.
- Ananyin, O., & Melnik, D. (2019). “Commodity Sui Generis”: The Discourses of Soviet Political Economy of Socialism. *History of Political Economy*, 51(1), 75–99.
- Angrist, J., Azoulay, P., Ellison, G., Hill, R., & Feng Lu, S. (2017). Economic Research Evolves: Fields and Styles. *American Economic Review: Papers & Proceedings*, 107(5), 293–297.
- Boldyrev, I., & Kirtchik, O. (2013). The Cultures of Mathematical Economics in the Postwar Soviet Union: More than a Method, Less than a Discipline. *HSE Working Paper*, WP6/2013/05.
- De Benedictis, L., & Di Maio, M. (2016). Schools of Thought and Economists' Opinions on Economic Policy. *Eastern Economic Journal*, 42(3), 464–482.
- Duarte, P.G. (2012). Not Going Away? Microfoundations in the Making of a New Consensus in Macroeconomics. In Duarte, P.G., Lima, G.T. (Eds.). *Microfoundations Reconsidered: The Relationship of Micro and Macroeconomics in Historical Perspective*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 190–237.
- Feygin, Y. (2017). *Reforming the Cold War State: Economic Thought, Internationalization, and the Politics of Soviet Reform, 1955–1985*, available at: <https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4063&context=edissertations>.

- Frey, B. S., Humbert, S., & Schneider, F. (2010). What is Economics? Attitudes and Views of German Economists. *Journal of Economic Methodology*, 17(3), 317–332.
- Grimm, C., Pühringer, S., & Kapeller, J. (2018). Paradigms and Policies: The State of Economics in the German-speaking Countries. *ICAE Working Paper Series*, 77.
- Heise, A. (2019). *The Socioeconomics of Economics: Essays on the Construction of the Economics. Essays on the Construction of the Economic Discipline and its Critique*. Wien, Zurich: LIT Verlag.
- Katsenelinboigen, A. J. (1986). Mathematical Economics in the Soviet Union -A Reflection on the 25th Anniversary of L.V. Kantorovich's Book, The Best Use of Economic Resources. *Acta Slavica Iaponica*, 4, 88–103.
- Mandell, E. (1968). *Marxist Economic Theory*. London, UK: The Merlin Press, 2.
- Psalidopoulos, M. (2000). Institutional Constraints and the Internationalization of Economics: The Case of Greece. In Coats, A. W. B. (Eds.). *The Post-1945 Development of Economics in Europe*. L., N.Y.: Routledge, 227–245.
- Wasmer, E., & Mayer, T. (2009). Y-a-t-il du consensus entre économistes en France? [Is there a Consensus among French Economists?]. *MPRA Paper*, 18584.
- Whaples, R. (2006). Do Economists Agree on Anything? Yes! *The Economists' Voice*, 3(9), 1–6.
- Zaostrovsev, A. (2005). The Principal Conflict in Contemporary Russian Economic Thought: Traditional Approaches Against Economics. *HWWA Discussion Paper*, 329.

### Authors

**Alexander Andreevich Maltsev** — Doctor of Economics, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation); Doctoral Candidate of CRIISEA, University of Picardie Jules Verne (Amiens, France; e-mail: [almalzev@mail.ru](mailto:almalzev@mail.ru)).

**Aliaksandr Vasil'evitch Kavaliou** — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Management, Belarusian National Technical University (Minsk, the Republic of Belarus; e-mail: [kavaliou.aliaksandr@gmail.com](mailto:kavaliou.aliaksandr@gmail.com)).